

Марк Рабинович

Казус Белли

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
P12

Рабинович М.

Казус Белли / Рабинович М. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 196 с.

ISBN 978-5-532-93347-7

Инженер-авиаконструктор Сева Ланецкий бежит от неминуемой смерти в империи НКВД, используя изобретение своих друзей, и оказывается в 21-м веке. Он пытается найти свое место в этом мире и не сразу понимает, что вместе с ним в будущем появился "казус белли" - повод к войне, способной уничтожить мир. Теперь вся ответственность на нем. Эта книга планировалась как самостоятельное произведение, но мои герои настояли на своем, и она стала завершающей книгой цикла о "временах". На этот раз наши старые знакомые: Арье, Аня, Рои и Эйтан, появляются ближе к концу, чтобы завершить тему "Пересечения и переплетения времен". Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93347-7

© Рабинович М., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Возвращение	4
Чужой мир	27
Объект	48
Конец белых ночей	77
Über Alles	111
Молоко и мед	139
Гибридная война	164
Я жив, мама!	185

Возвращение

Рассвет разгорался медленно, понемногу высвечивая верхушки леса. Не тропики, понял он, ты попал куда угодно, Сева, но только не в тропики, ведь там, согласно всем книжкам с яркими обложками, светает сразу и быстро. Как жаль, а ведь он так хотел попасть именно в тропики. Видно, не судьба. Но где же он?

Жаловаться, однако, не стоило, ведь то, что он вернулся, само по себе было фантастической удачей. Тогда, перед полетом, Клаус не обещал ничего, лишь угрюмо страдал всевозможными опасностями, озвучивая самые неожиданные страхи. Иногда Всеволоду даже казалось, что немец и сам не понимает, как работает его двигатель и в глубине души искренне сомневается в том, что из его затеи получится что-либо путное. Впрочем, у Всеволода не было иного выхода и все: и Клаус, и Феликс, и Зяма, и Клим прекрасно понимали это. Однако, несмотря на все страхи, несмотря на недомолвки Клауса, невзирая на мрачные предчувствия, аппарат сумел подняться. Поднялся он, судя по всему, достаточно высоко, так что Всеволод начал задыхаться и пришлось выпустить немного воздуха из пристроенного под ногами баллона с кислородом. А потом, что было совсем уже невообразимой удачей, аппарат умудрился сесть. Правда, падал он круша ветки, а потом еще и сполз вниз по склону, наверняка заработав не одну вмятину на гофрированных бортах. И все же он сел, вопреки мрачным предчувствиям и не менее мрачным предсказаниям. Причем посадка была настолько щадящей, что Всеволод отделался лишь парой синяков.

Теперь надо было понять, где именно он сел. Лишь бы не СССР, подумал он, лишь бы не одна шестая суши. Господи, боже, если ты есть, то будь снисходителен к комсомольцу, честно платившему взносы и исправно поднимавшему руку на общих собраниях. Впрочем, это не помогло, и из комсомола тебя вычистили, также как и из Политеха да и из жизни как таковой. И все же, пять шестых суши, это ведь не так мало. Разве я прошу так уж многого? Мне нужен лишь маленький-премаленький кусочек этой огромной планеты. И

пусть это будет такое место, где нет высоких вышек, людей в фуражках с малиновым околышем и злобного собачьего лая. Вот и все, а больше мне ничего не надо. Господи всемилостивый, помоги атеисту! Впрочем, если верить Клаусу, то Германию тоже следовало бы исключить из этих пяти шестых. А вместе с Германией неплохо бы было исключить также и Италию, и Румынию, и Венгрию и, вместе с ними, большую часть Европы, стремительно становящейся красно-коричневой. Привлекательные пять шестых стремительно скукожились. Плохо мое дело, подумал он. Но где же я, черт побери?

А рассвет продолжал свою утреннюю работу. Крепнувший солнечный свет старательно выдавливал ночную тьму леса, прижимая ее к земле, постепенно высвечивая голые стволы деревьев, белые с темной штриховкой на коре. Березы! Вот это было уже совсем плохо. Но все еще оставалась призрачная надежда на Финляндию или Швецию. Ах, если бы Швеция – эта прекрасная и такая нейтральная страна. Однако становилось очевидным, что ему в очередной раз не повезло. Зяма называл это "еврейским счастьем", но, по-видимому, перепало и неевреям.

Он давно уже выбрался из аппарата. От двигателя, давно заглушенного и не подающего признаков жизни, можно было, тем не менее, ожидать любых сюрпризов. Чего именно следовало опасаться, он не знал, но помнил поведение Клауса, который очень странно относился к своему изобретению, как будто и сам не до конца ему доверял. Невольно ему вспомнилась туманная фраза судетца, произнесенная им совсем недавно. Странно, подумал он, прошла всего неделя, а мне почему-то кажется, что это было в иной, бесконечно давней жизни.

...В тот день на пороге их лаборатории появился необычный посетитель. Гость был совсем из другой другого места, далекого московского ЦКБ-29, в просторечье называемого "аэродинамической шарайгой". Таких гостей, как правило, размещали в отдельном относительно благоустроенном бараке на территории, и, в отличие от "местных", водили под конвоем. Таким образом, приезжий мог перемещаться по территории только в сопровождении красноармейца с отвратительным малиновым околышем на фуражке.

Сам же гость был хорошо знаком Всеволоду еще по ВладЛагу, где они оба мерзли на лесоповале и вместе варили в дырявом котелке украденные картофелины. Так и осталось неизвестным, что привело старого знакомого в их "шарагу", но Всеволод подозревал, что это был двигатель Райхенбаха, слухи о котором передавались тихим шепотом, не достигая ушей НКВД-шного начальства. Ну а найти повод посетить "моторную" шарагу из "аэродинамической" не составляло труда. Поэтому, когда на пороге их лаборатории появился Сергей в сопровождении вооруженного красноармейца, удивился один только Зяма, который удивлялся всегда и всему.

Конвойный вел себя свободно и расслабленно, он даже перевесил карабин за спину, перекинув ремень через грудь, что уставом не допускалось, зато было много удобнее. Со своим подконвойным он вел себя по-дружески, смеялся его шуткам и даже сам рассказал замшелый анекдот про петлюровца и раввина. Сергей, однако, слушал его невнимательно и все посматривал краем глаза на аппарат. Когда боец, совсем уже игнорируя устав, ушел по нужде, он заявил громким шепотом:

– Не полетит!

Клаусу бы следовало возразить, что тут ничто летать и не должно, но глаз у Сереги был наметан и обмануть его, когда дело касалось летательных аппаратов было трудно, если вообще возможно. Однако все они Сереге доверяли, поэтому Зяма нервно спросил:

– Почему не полетит?

– Ну, мужики, это же азы! Таких вещей стыдно не знать – безапелляционно выдал Сергей – Да потому, хотя бы, что снаряд с ракетным двигателем должен быть симметричным, а не то его будет произвольно болтать вокруг центра массы.

С центром массы дела действительно обстояли неважно. Аппарат представлял из себя несимметричную коробку из тонкой гофрированной стали, закругленную с одной стороны и плоскую с другой. На самом деле, это была жесткая гондола небольшого дирижабля, полученная их группой под липовый проект аэросаней, впоследствии благополучно похеренный.

– С чего ты взял, что двигатель реактивный? – усмехнулся Клим – Уж не потому ли, что ты сам на них помешался?

– А какой же еще? – Серега искренне удивился – Пропеллера-то нет.

– Плохой ты диалектик, Королев – поддел его Феликс – Нет в тебе широты мысли. Узко ты мыслишь

Королев окинул взглядом компанию. Зяма смотрел на него с грустной улыбкой, впрочем Зяма на всех так смотрел. Феликс ухмылялся во весь рот, наслаждаясь веселой перепалкой. Клим был серьезен, но он тоже всегда был серьезен. А вот Клаус смотрел в сторону и Серега не видел его лица, а зря. Всеволод был занят, он гнул на верстаке кронштейны для баллонов с кислородом и поэтому хорошо видел Клауса через пустые полки стальной лабораторной этажерки. Судетца явно что-то терзало, казалось он пытается что-то сказать, но не может на это решиться.

– Безынерционный двигатель Райхенбаха – хмыкнул Королев – Полет в эфире силой мысли. Слышали, как же. Это ж какую мысль надо иметь, чтобы поднять такую дуру в воздух!

– С мыслями у нас все в ажуре – Феликс явно пытался отвлечь гостя от Клауса – Особенно, после второй чекушки.

– А ты что скажешь, геноссе? – было заметно, что под шутливой формой вопроса кроется беспокойство и искренний интерес.

Клаус повернулся.

– Он полетит – спокойно сказал он.

– Так просто? – восхитился, не то искренне, не то притворно, Королев.

– Да! – отрезал Клаус – А вот куда прилетит? Это-то как раз и непросто.

Серега открыл было рот, наверное, чтобы сказать нечто убийственно-ироничное, но тут как раз вернулся конвойный и увлекательную перепалку пришлось прекратить. Вот только Всеволоду показалось, что для Клауса это было совсем не забавно. Когда Райхенбах проходил мимо верстака, можно было слышать, как он бормочет под нос:

– ...И когда прилетит? Вот это уже совсем непросто.

Что Клаус имел ввиду Всеволод так и не понял... Но сейчас не следовало отвлекаться на вопросы, не имеющие ответа, а следовало как можно быстрее замаскировать аппарат. Самодельный финский нож, тщательно таимый от нечестных в их шараге шмонов, оказался неожиданно острым. К тому же аппарат и так сел в глубине небольшого распадка, густо заросшего ельником. Аэростат совсем сдулся, потерял весь гелий и висел вялым, бесформенным мешком. Поэтому замаскировать его оказалось несложной технической задачей. Именно так выражался Феликс, который был физиком-теоретиком и любую практическую проблему называл "несложной технической задачей". То, как Вуколов попал в их шарагу, осталось тайной, покрытой мраком, но Всеволод подозревал, что Феликса сумел выгнать с лесоповала Клим. Надо полагать, Звягинцев воспользовался тем, что НКВД-шное начальство не способно было отличить теоретическую физику от прикладной, да и о физике вообще имело весьма смутное представление. Сейчас же, точнее – неделю назад, Феликс рассчитывал нагрузки для нового, звездообразного авиадвигателя, еще не получившего кодовое имя.

Скорее всего, подумал он, из этого места надо срочно бежать, снова подняв аппарат и надеясь, что в баллонах хватит кислорода. И все же это место могло быть Швецией. О, как я хочу, чтобы это была именно Швеция. Пусть меня встретят неулыбчивые темно-русые мужчины в вязаных свитерах, бородатые, но без усов, как и полагается в Скандинавии. Пусть там будут степенные, румяные фрёкен и вежливые полицейские в синих мундирах. Пусть меня даже арестуют, пусть посадят в чистую скандинавскую тюрьму. Лишь бы только не малиновые околыши, лишь бы только не мерзлый ад лесоповала или кисло пахнущий смертью подвал.

Так он думал, пробираясь через сосняк, разбавленный мелким ельником. Зелень еще более редких берез подернулась желтизной и намекала на сентябрь. Странно, подумал он, ведь я взлетел в конце мая. Ничего не понимаю. И снова ему припомнился тихий голос Клауса. Что же он тогда сказал? Но мысли путались и память подводила. Было по-утреннему прохладно и телогрейка оказалась не лишней, так же как и вторые обмотки на ботинках. Холодно, однако, не

было и не было промозглой сырости ленинградской осени. А вот осенняя листва была. Всеволод нагнулся и подобрал несколько желтых и буро-красных листьев. Когда он выпрямился, ему в глаза бросился робкий просвет за редкой полосой верб. Так и не выпустив из левой руки разноцветный букет, он осторожно вышел на дорогу. Шоссе? Да, шоссе. Но какой удивительный асфальт! Неужели на одной шестой бывает такое покрытие – без выбоин и колдобин? Настоящий германский автобан, истинно европейское шоссе. Может быть, действительно, Швеция и ему наконец-то повезло? Вдали послышался шум мотора. Странно, таких моторов он не слышал, а ведь именно он, Всеволод Ланецкий, был известен тем, что мог на слух легко отличить "Форд" от "АМО" и посольский "Майбах" от наркомовского "Паккарда". Незнакомый мотор гудел на удивление ровно, как будто какой-то автомобильный бог создал идеально отрегулированные цилиндры и божественный карбюратор. Всеволод остановился и стал ждать. Это было опасно, ведь в неизвестной машине запросто могли оказаться малиновые околыши. Но хотелось верить, что он все же в Скандинавии. А еще, ему очень и очень хотелось увидеть автомобиль с удивительным двигателем.

Машина выскочила из-за поворота и только тогда он сообразил, что стоило бы укрыться в кустах. Но было уже поздно и автомобиль заскрипел тормозами и остановился, странно припав на передние амортизаторы. У "эмки" подвеска бы не выдержала, подумал Всеволод. Но столь странного авто он никогда не видел и даже не слышал про что-либо подобное. Все, буквально все в нем было как-то неправильно, начиная от неестественно маленьких колес, запрятанных куда-то внутрь кузова, до ветрового стекла, не обнаруживающего каких-либо признаков совершенно необходимой обрезиненной окантовки. Заляпанная грязью снизу доверху приземистая конструкция была когда-то, вероятно, белого цвета. Стекло странно-темного тона со стороны водителя опустилось и Всеволод с облегчением увидел на заднем сиденье женщину с ребенком на коленях. Может быть, все же, Швеция?

– Ты что, мужик, совсем обалдел? – неожиданно заорал водитель, разом разрушая все его надежды – Сейчас здесь такое начнется, а он икебану собирает.

Вот теперь следовало немедленно вернуться в распадок, разбросать наваленные на кабину еловые лапы и снова поднять аппарат в воздух. Куда угодно, только подальше отсюда! В этот момент из-за поворота выскочил совсем уже несуразный автомобиль. Маленький и угловатый, с огромными для его размеров колесами, он был столь же грязен, как и первый. Взвизгнув тормозами, он юзом развернулся поперек шоссе. В маленьком кузове стояли двое с короткими карабинами в руках.

– Садись, придурок, если жить хочешь – прошипел водитель.

Из кузова ударила пулеметная очередь и раздался диких хохот. Палили, судя по всему, в воздух, но пулемета не было видно.

– Садитесь – тихо сказала женщина на заднем сиденье, раскрывая неестественно большую дверцу и сдвигаясь назад.

Ничего уже не соображая, Всеволод плюхнулся на сиденье. Машина резко рванула с места. Слишком тихо работает мотор, отметило непослушное подсознание. Такого просто не может быть!

– Дверь, сука, закрой! – проорал водитель, не отрывая взгляда от дороги и вжавшись плечами в руль.

Дверца поддалась на удивление легко и закрылась до странности тихо. Авто уже разгонялось и разгонялось оно тоже неестественно быстро. Всеволод повернул голову назад: дорога снова делала поворот и маленький грузовичок со стрелками в кузове скрылся за вербами.

– Кто это был? – спросил он.

Признаться честно, то был не самый подходящий вопрос в данный момент, но никакой другой он просто не смог бы сформулировать.

– Говнюки это были! – прохрипел водитель – Дорвались до стволов и палят теперь во все, что движется.

– А откуда у них пулемет? – вопросы из него по-прежнему выскакивали самые несуразные, не иначе как – от волнения.